

МАРИНА ВЕТРОВА • АДА ОГНЕВА

Профессор,

я Вам не игрушка!

СОВРЕМЕННЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН

Ада Огнева

Профессор, я вам не игрушка!

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Профессор, я вам не игрушка! / А. Огнева — «Автор», «Автор»,
2026

Я случайно пролила кофе на диссертацию самого влиятельного учёного нашей академии. Артур Беклемишев даже не рассердился. Он просто положил передо мной документы: мой брат задолжал его фонду двести миллионов. Теперь моя свобода принадлежит ему. Целый семестр я должна терпеть унижения, исполнять приказы и участвовать в его жестоком эксперименте над человеческой психикой. Он уверен, что сломает меня. Но я обнаруживаю: его научная работа построена на украденных исследованиях и поддельных результатах. Мой единственный союзник — интерн Лев Гордеев, готовый рискнуть карьерой ради меня. Теперь мне предстоит спасти семью, разоблачить профессора и понять, можно ли довериться любви, когда тебя научили бояться каждого прикосновения.

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Марина Ветрова

Профессор, я вам не игрушка!

Глава 1

Я стояла на коленях перед его столом, и колени мои горели от ледяного пола кабинета. Под столом пахло моющим средством и разлитым кофе. Я боялась поднять голову: вдруг на краю столешницы осталась ещё одна капля.

Моя рука дрожала. Салфетка в ней превратилась в мокрый комок, пропитанный бурым кофе. Тёрла страницу диссертации Артура Беклемишева, хотя с каждым движением становилось хуже. Чернила расплывались. От голубых линий графика осталось одно пятно. Я приподняла салфетку — за ней потянулся размокший угол листа. Ещё секунда, и порву.

— Ты думаешь, механикой можно исправить ошибку? — Артур смотрел на салфетку в моей руке. Говорил вполголоса; мне пришлось замереть, чтобы расслышать.

Голова кружилась от запаха кофе и страха. Пришлось поднять глаза. Артур сидел в кресле, закинув ногу на ногу. Его лицо было бледным, почти восковым, а серые глаза смотрели на меня так, как ветеринар смотрит на подопытного кролика: с холодным, научным интересом. Он даже чашку не убрал. Пока я возилась на полу, устроился поудобнее. Мне хотелось, чтобы он хотя бы выругался: тогда можно было бы извиниться, дать ему остыть. А с этим скучающим взглядом что делать?

Дверь распахнулась с грохотом, разрушая тишину. В кабинет ворвалась Диана Штерн. Её пальто стоило больше, чем моя стипендия за год, а укладка не тронулась ни на волосок.

— О боже, Вера! — Диана прижала ладонь к губам, оглянулась на Артура и подошла ближе. Наступила на край листа, который я пыталась промокнуть, и улыбнулась, когда я потянула его из-под туфли. — Прости, я забыла сказать тебе, что этот кофе для него... ну, ты же из провинции, откуда тебе знать этикет. Грязная деревенщина не умеет держать чашку. Даже когда ей платят за обучение.

Кулаки мои сжались до побеления костяшек. Я глотала обиду, как сухую землю. Не плакать. Не смотреть на неё. Смотреть только на Артура, потому что именно он решал мою судьбу прямо сейчас.

Диана открыла рот, чтобы добавить ещё одну шпильку, но Артур поднял палец. Одно движение.

— Тише.

Диана захлопнула рот. Даже сквозь её румяна проступила краснота. Я ждала, что теперь он велит ей убрать ногу с листа, но Артур вновь уставился в монитор. Мне захотелось встряхнуть его за плечо. Здесь вообще-то люди. Я. Она. С нами разговаривают, а не выключают.

Я выпрямилась, медленно вытирая руки о юбку. Пальцы липли от влажной бумаги.

— Я могу возместить ущерб, — мой голос дрогнул, но слова были четкими. Сколько стоит одна испорченная страница? Я уже прикидывала, сколько ночных смен в столовой колледжа придётся взять, только бы сохранить своё место здесь. — Или... или я найду деньги. У меня есть сбережения.

Артур усмехнулся. Один уголок рта дёрнулся, и я пожалела, что заговорила о деньгах. Он потянулся к стопке папок на краю стола и небрежно бросил одну из них мне на колени. Папка ударилась о бедра, больно впившись уголком.

— Деньги? — переспросил он. — Твои сбережения закончились два месяца назад, когда ты оплачивала лечение матери. А твоя зарплата в аптеке "ФармаКорп" составляет тридцать тысяч. Долг твоего брата перед моим фондом — двести миллионов.

Двести миллионов? Вдох оборвался. Я прижала папку к животу, боясь уронить, и посмотрела на него: сейчас поправится, скажет «тысяч». Артур молчал. На моей зарплате и миллиона никогда не накопить. Откуда столько?

Я раскрыла папку. Там лежали документы. Кредитные договоры, подписанные братом. Гарантийные письма, где поручителем выступал отец. На последней странице — штрафы и пени. Я искала глазами сумму самого кредита: не мог же Марк занять столько на лечение. И красная печать фонда Беклемишевых. Дата последнего платежа просрочена на полгода. Коллекторы уже писали угрозы, которые мы прятали от родителей, надеясь решить вопрос тихо. В каждом письме требовали новую сумму, большую предыдущей. Марк уверял, что договорился об отсрочке. Здесь отсрочки не было.

— Как... — начала я, чувствуя, как тошнота подступает к горлу. — Вы знали. Вы всегда знали.

— Я знаю все о тех, кто попадает в поле моего зрения, — сказал Артур, не отрывая взгляда от монитора. — Кофе был прекрасным предложением. Теперь у нас есть тема для разговора.

Встала, опираясь на край стола. Колени подламывались, но сидеть у его ног больше не могла. Марк подписал договор с фондом — вот пусть Артур ему и звонит. Я здесь учусь. За испорченную страницу заплачу. А за что ещё он собирается с меня спросить? Шагнула к двери.

— Нет, — сказала я, и это слово показалось мне громче, чем весь этот кабинет. — Долг брата — личное дело семьи. Если вы хотите получить свои деньги, идите в суд. Я ухожу.

Стиснула холодную ручку двери и нажала. Она поддалась. Можно выйти. Сердце колотилось так, что я боялась не расслышать его ответ, но пальцы с ручки не убирала.

— Если ты выйдешь из этой двери, завтра твой брат потеряет работу в сети аптек, — голос Артура не изменился в интонации, но стал жестче, как скальпель. — Послезавтра арендодатель выставит вас на улицу, потому что собственник жилья — мой партнер. Через неделю фонд прекратит оплачивать лечение твоей матери. Перевод, лекарства — разбирайтесь сами. Посмотрим, сколько у вас уйдёт на это времени.

Я обернулась. Лицо Артура оставалось непроницаемой маской. Он даже не поднял глаз от клавиатуры.

— Это блеф, — прошептала я, но голос сорвался. — Ты не можешь контролировать частный бизнес.

Артур наконец посмотрел на меня. Он взял телефон и повернул экран в мою сторону.

Живое видео. Кабинет директора той самой аптечной сети, где работал мой старший брат, Марк. Человек в дорогом костюме нервничал, протирая очки платком. За его спиной стоял мужчина в темном деловом костюме — один из охранников Беклемишевых. На экране я видела, как директор бледнеет, слушая тихие указания этого человека.

— Игра началась задолго до того, как ты пролила кофе, Вера, — сказал Артур. — Ты думала, что случайность спасла тебя от отчисления? Нет. Случайность дала мне ключ.

Экран телефона погас. В комнате по-прежнему светила настольная лампа; за дверью кто-то смеялся. Всего несколько шагов до коридора. Но как выйти, если после этого Марку позвонит начальник, а маме откажут в лечении?

— Что тебе нужно? — спросила я. Слова давались тяжело, будто я жевала стекло. — Деньги? Секс? Я презираю себя заранее, но скажи цену.

Артур отложил телефон. Он встал и обошел стол. Его шаги были бесшумными. Он остановился в полушаге от меня. Я чувствовала запах его одеколона — сандал и что-то резкое, металлическое, как свежая кровь.

— Мне не нужны твои деньги, их у меня достаточно. Мне не нужно твое тело.

Он наклонился ближе. Его дыхание коснулось моего лба.

— Мне нужен контроль. Над реакцией организма на стресс. Над тем, как человек ломается, когда понимает, что выбор иллюзорен. Ты станешь моим подопытным материалом. Один семестр. Ты будешь выполнять любые мои капризы. Терпеть любое публичное унижение от Дианы, если я прикажу. Жить в постоянном ожидании удара.

Я отступила к стене. Семестр. Он мог вызвать меня завтра, послезавтра, прямо посреди лекции, и каждый раз мне придётся вспоминать маму, прежде чем сказать «нет». Даже Диану он включил в условия. Откуда у человека столько времени на чужое унижение?

— Почему я? — спросила я. За спиной уже была стена.

— Потому что ты умная. И потому что ты загнана в угол. Идеальные образцы.

Я метнула взгляд на матовое окно кабинета, выходящее в холл. Там, сквозь матовое стекло, мелькнула знакомая фигура. Лев Гордеев. Интерн, сын главного хирурга, тот самый парень, который всегда улыбался мне добродушно, предлагал помощь с конспектами и держал дверь в морг, когда я боялась туда зайти.

Лев. Он ещё не ушёл. Может, услышит?

Я сделала движение к окну, к свету, к человеческому лицу.

— Позови его, — спокойно произнес Артур, не двигаясь. — Позови Льва. Он слабый. Эмоциональный. Если ты позовешь его на помощь, он тоже станет должен мне. А твоему брату станет хуже. Гораздо хуже.

Я замерла. Взгляд Артура был прикован ко мне, как луч прожектора. Я приоткрыла рот, но имя Льва так и не произнесла. Артур заметил и это. Отодвинул папку к краю стола — ближе ко мне.

— Ты всё подготовил, — прошептала я. — И про Марка, и про Льва. Пока я пыталась вытереть твой кофе.

— Я дал тебе возможность увидеть, от кого зависит твоя семья, — ответил он.

Я ещё раз взглянула на дверь. Артур ждал. Ни за ручку меня не держал, ни дорогу не перекрывал — ему хватало папки на столе. Если я откажусь — Марк потеряет всё. Мама умрет. А я останусь одна, виноватая во всем этом ужасе.

Закрела глаза. Даже смех за дверью мешал: люди там могли уйти домой, и никто не собирался за это отключать их маме лечение. Мне надо было ответить. Я попробовала ещё раз представить, как выхожу, — и снова увидела телефон Марка с входящим от начальника.

— Хорошо, — сказала я.

Открыла глаза. Артур уже улыбался. Я согласилась — ему хватило этого одного слова.

Он вернулся за свой стол и протянул мне лист соглашения и дорогую перьевую ручку.

— Подпиши.

Взяла бумагу. Пальцы онемели; пришлось крепче перехватить ручку, чтобы не выскользнула. На строке для подписи вывела своё имя. Вера Ковач. Последняя буква упёрлась в край строки. Переписывать он не предложил.

— И начни дышать так, как я скажу, — произнес Артур, наблюдая, как я кладу ручку обратно. Его глаза стали пустыми и глубокими, как колодец. — Первый урок: когда я говорю "замри", ты не имеешь права моргнуть. Ни разу. Пока я не разрешу.

Посмотрела на него. Он ждал, пока я выполню приказ, и от этого хотелось отвернуться ещё сильнее. Можно хотя бы моргнуть? Он заметит сразу. Пришлось держать взгляд и считать секунды. Одна. Две. Три. Глаза уже щипало.

Глава 2

Воздух в кабинете Артура Беклемишева пах стерильностью и дорогим парфюмом — чем-то тяжелым, древесным, от чего у меня начинала кружиться голова. Я стояла напротив его стола, чувствуя, как спина покрывается липким потом под тонкой тканью блузки. На столе лежал контракт. Рядом с подписанным вчера соглашением он положил дополнительный лист: условия посещения закрытых семинаров. Ни слова о том, что будет с семьёй, если я откажусь. Это он предпочитал говорить вслух.

— Преимущества сделки, мисс Ковач, — голос Артура был тихим, но резал тишину, как скальпель. Он не смотрел на меня. Он играл со стилусом, выводя на планшете графики. — Вы получаете доступ к закрытым семинарам кафедры фармакологии. Элита курса, лучшие умы академии. И... возможность наблюдать за тем, как работает настоящая наука. А не та халтура, которую вам преподают на общих лекциях.

Я проглотила ком в горле. Закрытые семинары. Я могла бы сидеть там с конспектом, задавать вопросы, добраться до темы, которую нам на общих лекциях только обозначили. Но сначала придётся сесть рядом с Дианой Штерн, дочерью декана, и слушать, как она рассказывает остальным, с чего меня вдруг допустили. Вчера в кабинете она слышала всё. Про маму тоже.

— Я согласна присутствовать, — сказала я и положила ладонь на дополнительный лист. Артур потянулся за ручкой; я удержала бумагу. — Но я требую права уйти. В любой момент. Если мне станет физически плохо. Если начнется паническая атака или обморок. Это условие.

Артур поднял голову, посмотрел на мою ладонь и перестал тянуться за ручкой. — Физическое состояние объекта наблюдения должно быть стабильным для получения чистых данных. Но... хорошо. Вы можете покинуть аудиторию. Только если это подтвердит медсестра дежурного корпуса. Договорились?

Он протянул ручку. Я убрала ладонь с листа и поставила подпись. На последней букве пальцы дрогнули. Если станет плохо, придётся сперва добраться до дежурного корпуса и объяснить медсестре, что со мной. Он и здесь оставил себе время.

Коридор перед большой аудиторией гудел от голосов студентов. Стены здесь были облицованы белым мрамором, а на полу отражались люстры. Я шла, прижимая сумку к груди, проверяя на ходу, застегнулась ли молния: из сумки торчал старый, заклеенный по сгибу конспект.

И тут путь мне перегородила Диана.

Она стояла посреди прохода. Две девушки-первокурсницы за её плечом перестали разговаривать, едва Диана повернулась ко мне. Шёлковая рубашка цвета слоновой кости, идеально уложенные волосы — я помнила, как вчера боялась испачкать своё колено кофе, и от этого её улыбка бесила ещё сильнее.

— Ой, Вера, — протянула она, рассматривая меня так, будто я была пятном на её туфлях. — Ты всё ещё носишь эту... униформу? Мне сказали, твоя семья должна фонду Беклемишевых целое состояние. Неужели ты думаешь, что твои жалкие попытки учиться помогут тебе расплатиться? Здесь, в этой академии, деньги решают всё. А ты... ты просто биоматериал для чьих-то экспериментов над бедностью.

Её подруги захихикали. За спиной перестали говорить; даже двери аудитории никто больше не открывал. Ждали меня. Щёки горели, и я боялась, что сейчас расплачусь прямо перед Дианой. Но в телефоне лежало вчерашнее сообщение Марка: «На работе всё спокойно. Ты как?» Он ещё не знал, как близко его начальник был к увольнению.

Я остановилась перед ней. Пусть договаривает, раз так хочется. Диана улыбалась; одна из её подруг уже держала телефон камерой ко мне. Я прикрыла лицо сумкой и протиснулась между ними. Лишь за дверью смогла разжать челюсти.

Лев Гордеев ждал меня у окна, перебирая стопку медицинских карт. Он выглядел уставшим, тени под глазами залегли глубоко. Лев был интерном, сыном известного хирурга, и он единственный здесь относился ко мне без презрения.

— Вера, подожди, — он поймал мой локоть, когда я пыталась проскользнуть мимо. Его пальцы были холодными. — Ты заключила сделку с ним. Я видел списки участников. Артур не преподаватель, Вера. Он садист. Ему нужно чувствовать власть над людьми, видеть их страх, ломать их волю ради своих «исследований» стрессоустойчивости. Это патология.

Я перестала тянуть локоть из его руки. Отец Льва — главный хирург. У их семьи есть связи, деньги. Может, он знает кого-нибудь, кто договорится с фондом? Уже хотела спросить и вспомнила, как вчера Артур разрешил позвать Льва. С таким удовольствием разрешил.

— Почему ты молчишь? — настаивал Лев. — Давай я помогу. Мы можем найти юриста через моих родителей. Проверить договор, добиться отсрочки. Тебе не нужно быть его игрушкой.

Я отдернула руку. Сердце колотилось где-то в горле. — Долг висит именно на фонде Артура, Лев. Юридически. Только он может его списать или заморозить. Его люди доберутся до моего брата раньше, чем мы найдём новые средства. Я не могу рисковать его жизнью ради своего комфорта.

Лев опустил руку и отступил. Карты прижал к боку; свободную руку сунул в карман халата. Я следила за этой рукой, лишь бы не смотреть ему в лицо. — Ты выбираешь клетку добровольно. — Я выбираю жизнь брата, — ответила я жестче, чем хотела, и развернулась, проходя к столам семинара.

Аудитория была полукруглой, как амфитеатр. В центре стоял Артур, опершись на трибуну. На экранах позади него пульсировали графики токсикологии. Когда все сели, он начал лекцию. Это был закрытый семинар по сложным случаям интоксикации новыми психоактивными веществами. Тема была узкоспециализированной, той, которую на нашем курсе разбирали лишь на одной лекции.

Вдруг Артур замолчал. Я перестала слышать соседку, которая шептала мне что-то про конспект. — Мисс Ковач, — произнес он, не повышая голоса. — Встаньте.

Все головы повернулись ко мне. Диана, сидевшая в первом ряду, усмехнулась, предвкушая шоу. — Поскольку вы теперь часть нашей "экспериментальной группы", продемонстрируйте нам свои знания. Перед вами случай: пациент поступил в коме после смешения метамфетамина и нового синтетического опиоида. Данные анализов противоречат классической схеме лечения. Ваши действия? Почему стандартная терапия не работает?

Встала, придерживаясь за стол. Про такое смешение я читала — мельком, готовясь к другой теме. Сейчас помнила заголовок статьи и никак не могла вспомнить, что шло ниже. Диана уже повернулась ко мне всем корпусом. Ей нужен был ответ немедленно; мне — хотя бы минута у экрана.

— Я... не помню точных протоколов, — начала я тихо. Зал загудел насмешками. Артур ждал, положив стилус на стол.

На экране всё ещё висели показатели пациента. Я перечитала их, цепляясь за знакомые строки. Пусть я не помню весь протокол. Но могу хотя бы понять, чего здесь не хватает. — Однако, — продолжила я громче, выпрямляясь, — по этим данным я не могу выбрать лечение. Здесь нет сведений о дыхании и времени приёма веществ. Вы спрашиваете, почему схема не

сработает, но сначала нужно проверить, что именно пациент принял и что уже получил от бригады. Иначе я сейчас назову препарат наугад. Вам нужен ответ или удачное угадывание?

Тишина повисла в зале. Артур перестал писать. Он задержал на мне взгляд. Я уже жалела о последнем вопросе: ещё скажет, что дерзость нарушает договор. — Вы заметили пробел в условии, мисс Ковач. А форму ответа ещё придётся исправить. Садитесь.

Диана закусил губу. Я села, всё ещё ожидая, что Артур передумает и поднимет меня снова. Но он переключил слайд.

После занятия Артур вызвал меня в свой кабинет. Дверь закрылась автоматически, отсекая шум коридора. — Конспекты, — потребовал он, протянув руку.

Протянула блокнот. Артур смотрел мимо него и шагнул ко мне. Пришлось отступить; край обложки задел его рубашку. Слишком близко. От тепла его кожи я на секунду забыла, что собиралась сказать, и тут же затошнило от этой заминки. Он положил руки мне на плечи, прижимая меня к стене. Его лицо было в сантиметрах от моего.

— Реакция тела на стресс, — пробормотал он, глядя не на мои глаза, а на мою шею, где билась жилка. — Пульс учащен. Дыхание поверхностное. Но зрачки не расширены до предела. Ты контролируешь себя. Железная воля. Или ступор?

Блокнот упёрся ему в грудь, но он не отступил. Я стиснула обложку: ещё немного — и толкну, хотя он только этого и ждёт. Вдыхала носом, стараясь не задеть его коленом. Он следил за моей шеей. Пусть считает пульс. Дрожащих губ я ему не покажу.

Артур убрал руки с моих плеч, взял со стола планшет и быстро записал что-то стилусом. — Ты не сломалась мгновенно. Это разочаровывает исследователя и радует наблюдателя. Завтра, 19:00, мой дом. Дополнительные занятия по этике экспериментов. Не опаздывай.

Он вернулся за стол, оставив меня с блокнотом у стены. — Свободна.

Глава 3

Общежитие встретило меня гулом разговоров и запахом лапши быстрого приготовления. Моя комната на третьем этаже была крохотной: одна кровать, стол, шкаф. Но сегодня там царил хаос.

Мои вещи были перевернуты. Учебники валялись на полу, одежда высыпана из ящиков. На подушке лежала сложенная вчетверо записка. Почерк был угловатым, неровным.

«Если сделка сорвется, твоему брату сломают обе руки. Коллекторы не любят ждать».

Записка дрожала в пальцах. Обе руки. Марк работает в аптеке, ему каждый день надо отпускать лекарства, считать деньги, держать тяжёлые коробки. Я перечитала угрозу, хотя поняла её с первого раза. Кто-то вошёл в мою комнату, перебрал одежду и оставил это на подушке. Значит, мог вернуться. Я оглянулась на дверь.

Но перед глазами стоял Лев, которому я сама запретила вмешиваться. И довольная Диана. И Артур со своим планшетом.

Стоило всхлипнуть, и я уже не остановилась бы. А Марку ещё надо было позвонить. Сказать обычным голосом, что всё хорошо.

Я подошла к раковине. Открыла кран и сунула ладони под воду. Затем достала зажигалку. Поднесла пламя к записке. Бумага вспыхнула, оранжевые языки огня пожрали угрозу, превращая её в пепел. Пепел упал в слив, и вода унесла его прочь.

Я вытерла лицо сухим краем полотенца. Пусть хотя бы завтра Диана не увидит опухшие веки.

Телефон завибрировал. Сообщение от неизвестного номера, хотя я знала, кто это. «Жду завтра. Не заставляй меня скучать.»

Сообщение висело на экране, а я вспоминала, как он перестал писать во время моего ответа. Всего на секунду. В кабинете пришлось считать удары сердца, зато в аудитории он слушал. Что, если заставить его слушать ещё раз? Не про пульс и страх — про работу.

От этой мысли стало противно: я искала, чем его заинтересовать. Но до завтра оставалась ночь. Можно открыть конспект и подготовиться. Хотя это зависело от меня.

Я набрала одно слово: «Принято».

Отправила.

Я погасила верхний свет и включила ночник. Подошла к окну и посмотрела на своё отражение в стекле. Подбородок задран, плечи подняты. Даже одна в комнате я стояла перед ним навтыжку. Заставила себя опустить плечи, вернулась к столу и раскрыла конспект. Завтра он опять будет ждать, когда я запнусь. Я найду, что ему ответить. Семестр он себе купил — а мне за это время надо добиться, чтобы он сам захотел вернуть мне свободу.

Утро в раздевалке пахло чужим дезодорантом и сыростью. Я вошла, надеясь на спасение — хотя бы на одну чистую блузку перед занятием по анатомии. Дверца моего шкафчика торчала в проход. Я придержала её: ещё надеялась, что забыла закрыть вчера. Потом увидела рубашку.

Моя единственная белая рубашка висела на плечиках, превращенная в лохмотья. Края разрезов даже не успели обтрепаться: рукава распороты у плеч, воротник изрезан зигзагами. Внутри кармана лежала записка, написанная аккуратным почерком Дианы Штерн: «Нищенка должна выглядеть соответственно».

Руки затряслись. Записку сунули аккуратно, чтобы я обязательно нашла. Обрезки ткани лежали на полу под шкафчиком; ещё утром я рассчитывала переодеться за две минуты. Достала из сумки дорожный набор с иголкой и нитками, который носила из-за вечно расходящегося шва юбки, и начала лихорадочно сшивать ткань. Пальцы дрожали, игла соскальзывала, впиваясь в подушечки пальцев. Капля крови смешалась с серой пылью на полу. Выйти так нельзя. Но

опоздать на занятие — значит дать Артуру новый повод наказать меня. А нарушение сделки означало, что брат останется без лекарств.

Натянула изуродованную блузку поверх майки. Стоило поднять руку — разошелся шов у плеча. Прижала локти к бокам, проверила в зеркале: воротник всё равно торчал. Диана узнает свою работу сразу, сколько я ни буду его поправлять.

Коридор перед большой аудиторией гудел голосами студентов-медиков. Когда я вышла из раздевалки, смех ударил мне в уши волной.

— Ого! Новый фасон для нищеты? — Диана стояла у окна, скрестив руки на груди. Её платье сидело идеально, как вторая кожа. Она смотрела на меня с тем самым выражением брезгливости, которое бывает у кошек, видящих мокрую мышь. — Ты выглядишь как жертва домашнего насилия, Вера. Или это твой способ сказать «поиграй со мной»?

Смех усилился. Кто-то фыркнул. Кто-то достал телефон. Телефон в чужой руке повернулся вслед за мной. Хотелось закрыть разрез сумкой, но тогда пришлось бы остановиться прямо перед Дианой. Подняла подбородок и пошла к двери. Пусть снимают спину. Если оглянусь, начну орать, а им только этого и надо.

У двери аудитории пришлось повернуться боком: Артур Беклемишев стоял в проёме, прислонившись спиной к косяку. Я почти задела его плечом. Он посмотрел на мою дрожащую руку, затем на разрез у воротника. На секунду я остановилась — вдруг скажет Диане хоть что-нибудь? Артур перевёл взгляд на моё лицо и продолжал молчать. Сама же остановилась. Сама дала ему рассмотреть, что со мной сделали. Протиснулась в аудиторию, стараясь больше не поправлять воротник. О том, как тщательно он запоминает мои реакции, я знала со вчерашнего семинара. Сегодня даже планшет не понадобился: можно вызвать меня вечером и попросить рассказать всё заново.

Внутри аудитории пахло антисептиком и старой бумагой. Лектор, старый анатом, начал опрос. Вопрос касался особенностей кровоснабжения печени. Ответ я знала. Я готовилась всю ночь, пока Артур звонил и требовал отчет о моем самочувствии.

— Кровоснабжение осуществляется... — начала я, и мой голос сорвался на последней букве.

— Она списывает! — голос Дианы прорезал тишину, как нож масло. Вся аудитория обернулась. Диана встала, грациозно облокотившись на парту. — Я видела, как она копалась в моих конспектах вчера вечером. Вера, тебе не стыдно? Ты думаешь, если тебя унижают снаружи, можно красть знания внутри?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.